

—❧ МАРИНА ВЕТРОВА ❧—

Развод
с миллиардером.
ТВОЯ ЛОЖЬ СТОИТ
МИЛЛИОНОВ!

Марина Ветрова

Развод с миллиардером.

Твоя ложь стоит миллионов!

<https://litres.ru/74620027>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет я строила нашу империю отелей. А муж решил, что может вычеркнуть меня из собственной жизни одним росчерком пера.

Любовница, публичное унижение, заблокированные счета и развод, после которого мне не должно было достаться ничего.

Но Артур допустил одну ошибку. Он считал меня послушной женой, а не женщиной, которая знает цену каждому миллиону.

Второй паспорт в тайном сейфе, подставная любовница и грязная игра конкурентов. Чем глубже я копала, тем страшнее становилась правда.

Муж хотел уничтожить меня ради денег?

Что ж, дорогой. Теперь моя очередь устанавливать правила.

И когда ты приползёшь просить прощения, будет поздно.

Ты проиграл. А я только начинаю жить!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марина Ветрова

Развод с миллиардером.

Твоя ложь стоит миллионов!

Глава 1

Шампанское холодило пальцы через тонкое стекло. Я поправила рукав пиджака: золотая нить на плече зацепилась за браслет. Артур выбрал этот пиджак три года назад, и с тех пор я надевала его на встречи, где нельзя было показать, что у нас что-то не ладится. Сегодня инвесторы пришли именно за этим — посмотреть, нервничаем ли мы. Пусть смотрят. Ни залом на рукаве, ни склад в Казани не должны были испортить им вечер.

С бельём они пристали сразу: правда ли, что поставщик остановил отгрузки? Я открыла на планшете контракты и передала его через стол. Казанский склад пока выручал сеть, но долго на его запасах мы бы не протянули. Артур обещал разобраться с поставщиком лично. Хотелось поймать его взгляд — сделал или опять отложил? За столом мужа не было.

— Марина, где ваш супруг? — спросил глава фонда, оглядываясь. — Без него тост не будет полным.

Ведущий поднёс микрофон, и я взяла его раньше, чем глава фонда успел повторить вопрос. Артур ушёл звонить юристу. Когда уходил, обещал вернуться к тосту; теперь объяснять его отсутствие предстояло мне.

— Мой муж слишком занят тем, чтобы вы не потеряли деньги, — произнесла я четко, глядя в глаза каждому. — Пока он спит, я считаю прибыль. А пока я считаю, он строит будущее. За нас.

Глава фонда отложил планшет и зааплодировал первым. Наконец-то. Весь вечер он держал перед собой наши цифры, возвращался к одним и тем же строчкам; теперь смотрел мне в лицо. Я подняла бокал к нему. Пусть Артур опаздывает — справилась и без него.

Муж появился в дверях, когда остальные ещё хлопали. Прошёл к столу и положил руку мне на поясницу. Через ткань я чувствовала каждый палец; когда мы снимались для рекламы сети, он держал меня так же, велел стоять поближе. Посмотрел на микрофон в моей руке, потом на главу фонда и надавил сильнее. Мне хотелось повернуться и спросить:

что, мне надо было молчать и ждать тебя? Вместо этого я передала микрофон ведущему. Своё я уже сказала.

Свекровь, Галина Петровна, сидела напротив. Прищурилась, поднесла бокал к губам, но пить не стала. Глядя на сына, она заговорила через стол; мне пришлось чуть наклониться, чтобы расслышать:

— Ты всегда такая... стерильная, Мариночка. Артуру нужна живая женщина. Та, что смеется громче, чем считает. Тебе бы расслабиться, пока он работает.

За нашим столом на секунду перестали звенеть бокалы. Галина Петровна говорила негромко, но глава фонда сидел достаточно близко. Значит, вот для кого я должна была оказаться неживой. Я взяла бутылку. Свекровь ещё улыбалась, когда вино дошло до края её бокала и побежало на скатерть. Она отдернула пальцы. Я поставила бутылку рядом с её прибором и встретила взгляд мужа.

Артур услышал. Я видела, как напряглась его челюсть. Но он не сказал ни слова в мою защиту. Лишь сухо бросил матери, отвернувшись:

— Галина Петровна, не мешайте бизнесу.

Я ждала хотя бы своего имени. «Мама, перестань». «Ма-

рина весь день занималась вашей встречей». Он мог выбрать любые слова — выбрал бизнес. Я отставила бокал, чтобы не стиснуть ножку до хруста. До конца вечера отвечала на вопросы о загрузке номеров и делала вид, что не замечаю пятна перед Галиной Петровной. Пусть сохнет. Вызывать официанта я не собиралась.

На кухне мыли стаканы. Я стояла у лестницы и ждала, когда Артур наконец подойдёт ко мне без гостей. Он прошёл мимо, поднялся на второй этаж и бросил через плечо:

— Документы. Юристы ждут.

Я пошла было за ним, но наверху щёлкнула дверь кабинета. Подносить ему бумаги сейчас совсем не хотелось.

Допить шампанское не смогла. Поставила бокал и всё-таки поднялась: я десять лет имела право спросить мужа, что происходит. Почему сегодня надо ждать под дверью? Из узкой щели падал свет. Артур не притворил дверь до конца; я толкнула её, держась за ручку, чтобы не стукнуть.

Артура в кабинете не было. Из-за балконной двери тянуло дымом; я слышала его голос, но слов не разбирала. На столе лежал его телефон. Экран светился уведомлением.

Вероника: «Спасибо за вечер. Ты был другим там. Жду

продолжения.»

Час назад. Сегодня. Я ещё держала микрофон, когда это пришло. Прочла сообщение второй раз и застряла на «другим». Вот с кем он бывал другим. Для меня хватало того Артура, который велел принести документы.

Я схватила телефон. Он ещё не успел заблокироваться. Пролистать чат оказалось труднее, чем схватить телефон. На фотографиях он обнимал её; дальше шли подтверждения брони ресторана в пяти минутах от нашего дома. Я знала этот поворот, эту вывеску. Ему даже ехать далеко не приходилось.

Первым желанием было закрыть чат. Положить телефон точно так, как он лежал, и дождаться объяснения: не та фотография, чужое сообщение, какая-нибудь глупая шутка. Я уже подбирала ему слова. Это испугало сильнее снимка. Я положила телефон рядом с собой экраном вверх и начала обыскивать кабинет. Из-за балконной двери всё ещё слышался его голос; на каждом обрывке я замирала, прислушиваясь, не идёт ли он обратно. Выдвигала ящики, шупала полки. Телефон, ключи от машины, папки. Ничего.

У картины отходил от стены нижний край. Этот пейзаж висел здесь столько, сколько я помнила кабинет, и раньше за него заглядывать не приходилось. Я потянула раму на себя.

За картиной был сейф. Маленький, встроенный в стену, скрытый декором. Я потянула за ручку и поняла: замок не заперт, дверцу держит перекошенный край. Отверткой из ящика стола поддела край. Она соскользнула, царапнув пальцы, но я попробовала снова. Телефон ещё можно было объяснить чужой шуткой; мне требовалось посмотреть, что он хранит здесь.

Щелчок. Дверца поддалась.

Я начала с паспортов. Имя в обоих было его, фамилии и прописки — разные. Рядом лежали ключи от московской квартиры, чеки из «Le Chateau». Дата на чеке совпала с его поездкой в Швейцарию месяц назад. Оттуда он жаловался мне на больную спину, а ужинал, выходит, в Москве.

Раскрыла второй паспорт на фотографии и поднесла к лампе. Его лицо. Даже складка над левой бровью — я гладила её пальцем, когда он хмурился во сне. Ниже стояла чужая фамилия. Вернулась к фотографии: может, всё-таки похожий человек? Бумага дрожала, и я прижала её к краю стола, чтобы прочесть прописку.

Шаги за спиной. Резкие, тяжелые.

— Что ты делаешь?

Артур стоял в дверях с сигаретой. Я отвыкла слышать от него такой тихий вопрос. Лучше бы закричал: стало бы понятно, что ответить. Он смотрел на паспорт, и сигарета тлела в неподвижной руке.

Я повернулась, сжимая паспорт в кулаке.

— Объясни мне, почему у тебя два паспорта, Артур? Почему ты был в Москве месяц назад, а не в Цюрихе?

Он взглянул на меня, потом на выдвинутые ящики. Криво усмехнулся, словно застал за мелкой кражей. Я развернула паспорт фотографией к нему: вот на что смотри.

— Ты залезла в мои вещи? — переспросил он, делая шаг ближе. — В мой собственный сейф?

— В наш дом! — Я услышала свой крик и всё равно шагнула к нему. — Это наша компания! Наш кредит! Кто эта Вероника? От какой квартиры эти ключи? И почему ты прячешь их от меня?

Артур остановился в шаге от меня. Его глаза сузились.

— Это не то, что ты думаешь.

Я ждала продолжения. «Ты думаешь» — что именно? Назвать хотя бы фамилию в паспорте ему ничего не стоило. Но он протянул руку, даже не взглянув на страницу. Ему требовалось забрать её, а не убедить меня.

— Отдай. — Он шевельнул пальцами передо мной. Ладонь оставил открытой, ждал.

— Нет.

Я прижала паспорт к груди. Артур схватил меня за запястье и стиснул так, что пришлось разжать пальцы. Я вскрикнула. Он выдернул документ, сунул его к остальным и запер сейф. После щелчка я ещё стояла с пустой ладонью у груди. Хотелось ударить его ею, но он оставался совсем близко, а запястье болело от одного движения.

— Уходи, — сказал он, не глядя на меня. — Иди спать. Завтра у нас совет директоров.

— Ты изменяешь мне, — прошептала я.

— Ты не понимаешь игры, в которую ввязалась, — бросил он, проходя мимо меня в коридор. Хлопок двери спальни

прогремел так, что задрожали стекла в окне.

У зеркала над сейфом остановилась. Глаза покраснели, а укладка всё ещё держалась — столько времени потратила на неё перед вечером. «Уходи». Хотелось догнать его, встать перед дверью спальни и крикнуть, что это мой дом тоже. Я даже повернулась к выходу. Запястье дёрнуло болью, и я осталась возле зеркала. Он опять схватит меня, а я опять вскрикну.

Я поправила волосы у виска и сразу отняла руку: зачем? Гости разошлись, муж ушёл. В зеркале всё ещё была женщина, которая выходила к инвесторам с микрофоном. Весь вечер я берегла его репутацию. Даже когда его мать оскорбляла меня, заботилась, чтобы за столом не получилось некрасиво. А сейчас в собственной спальне он закрыл от меня дверь.

Последние месяцы он всё чаще предупреждал о командировках, хотя раньше ставил меня перед фактом. Закрывал файлы, стоило войти. Просил не трогать личные документы. Я уважала его «конфиденциальность сделок», сама злилась, когда мешали работать. Сейчас вспомнила каждую такую просьбу.

Я вернулась взглядом к картине. За ней опять были заперты паспорта и ключи, которые он даже не попытался объяснить. Ради свиданий меняют пароль телефона. Зачем менять фамилию? Чеки я ещё могла принять за след любовницы, но

второй паспорт в этот рассказ не помещался. Он прятал активы? Готовился уйти? Или от кого-то защищался?

От кого защищал?

На запястье уже проступали следы его пальцев. Я погладила их большим пальцем другой руки, будто могла стереть. Он впервые за весь вечер прикоснулся ко мне по-настоящему — чтобы забрать документ. Завтра мне предстояло сесть с ним за один стол, а я даже не знала, какие ещё бумаги он хранит за этой стеной.

Прижала больное запястье к груди. Из кабинета надо было выйти, но идти к нему в спальню я боялась. Десять лет жила здесь, а сейчас стояла и выбирала, за какой дверью муж позволит мне остаться.

Глава 2

Ладонь вспотела, оставила на стальной дверце пятно. Я вытерла её о халат. Второй сейф — в нашем доме. Нашла его утром, после ухода Артура, за другой картиной: абстракцией в золотых тонах, которую сама выбрала три года назад, чтобы «притягивать удачу». Он тогда похвалил золотые разводы, помог повесить холст. Сейчас рама стояла у моих ног, прислонённая к стене. Я переставила её подальше, чтобы не сбить локтем, и взялась за дверцу.

Приложила палец к сканеру, дождалась красной лампочки и повторила. Отказ. Пришлось опереться плечом о стену. Мне захотелось узнать, чей отпечаток он записал вместо моего. Вероникин? На фотографии она смеялась, обняв его, в красном платье. От мысли, что она могла здесь, в моём кабинете, прикладывать палец к этому замку, я снова нажала на сканер. Лампочка осталась красной.

Я всё ещё ждала, что он вернётся и скажет что-нибудь, после чего можно будет перестать искать. Но он ушёл, велел мне не опаздывать, словно вчера ничего не произошло. Значит, искать придётся самой.

На полке был его набор для ремонта. Взяла плоскую отвертку и молоток; инструменты стукнулись друг о друга. Я

прислушалась. Дом пуст, Артур ушёл. Не надо спрашивать разрешения у вещи, которую он спрятал от меня.

— Ты думаешь, это защитит тебя? — шепнула я, загоня жало отвертки в щель между дверцей и корпусом.

После третьего удара посмотрела на ладонь: край рукоятки натёр кожу. Замок держался, зато в щели появилась маленькая вмятина. Вставила отвертку глубже и снова ударила. Если сейчас оставлю всё как есть, вечером он увидит повреждения и скажет, что я сумасшедшая. Пусть хотя бы будет за что.

Уже погнутый засов наконец вырвался из крепления с сухим треском. Дверца распахнулась.

Вытащила папку, положила на колени. Контракты аренды квартиры на Патриарших, чеки из «White Rabbit». Копии двух паспортов — вчерашние фамилии, разные прописки. Я перелистывала их за уголки, пока не дошла до счёта-фактуры. Кто платил? Взялась за лист обеими руками, поднесла ближе. ООО «Гранд-Инвест». Перечитала название. Та самая фирма?

Я знала это название по бухгалтерии сети бутик-отелей. Артур представлял «Гранд-Инвест» как нашу расчётную фирму; раньше я не проверяла, кому она принадлежит. Он

использовал мои же деньги, чтобы купить себе алиби и оплачивать услуги любовницы. Я перевернула счет-фактуру, прочитала ещё раз название плательщика. Проверила сумму. На такие деньги можно было закрыть задержку с бельём в Казани. Я достала телефон, расправила лист на столе и сфотографировала целиком, вместе с номером и датой. Первый кадр вышел смазанным. Пришлось прижать локти к столу. Второй я увеличила и проверила: всё читалось. Теперь пусть попробует сказать, что я не так поняла.

Зазвонили в дверь. Я сунула телефон в карман халата и прислушалась: следом должен щёлкнуть замок. Артур вернулся? Тишина. Значит, кто-то чужой, кому придётся открывать. В прихожую пошла, стараясь ступать тише. Листы остались на столе, рама у стены — за пять минут всё это уже не спрячешь.

На пороге стоял дежурный охранник посёлка, опустив глаза.

— Марина Викторовна, курьер оставил коробку. Сказал, срочно.

Он протянул тяжёлую картонную коробку без маркировки. Прижав её к себе, я закрыла дверь и прислонилась спиной к косяку. Под крышкой оказалось красное вино в подарочной упаковке и записка на плотной бумаге. Артур. Его корявую заглавную «П» я узнала ещё прежде, чем прочла

первое слово.

«Прости. Я всё объясню вечером. Не трогай документы».

Не трогать документы. Я прочла записку, держа коробку под мышкой. Он и в извинении оставил распоряжение. Может, объяснит вечером — и я всё ещё хотела услышать, что именно. Но ждать, сложив руки, больше не могла.

Я знала цену этому вину: в первый год брака столько получала за месяц. Сейчас он послал бутылку, будто моё возмущение можно было занять подарком до вечера.

Вынула бутылку из коробки и вышла на крыльцо. Размахнулась, попала в край мусорного бака. По белому пакету потекло вино. Я ещё держала коробку; положила её туда же, поверх стекла. Пробку так и не вытащила. Хорошо. Этот подарок я не обязана была беречь.

Домофон запищал, едва я вернулась в дом. Опять Артур? Я открыла дверь. Высокий мужчина в сером костюме перевёл взгляд с моего халата на пальцы, испачканные вином. Дмитрий, частный детектив. Я сама наняла его час назад, после звонка юристу нашей компании: тот сказал, что полиция тут бессильна. И забыла, что он уже едет.

— Марина Викторовна? — спросил он, проходя внутрь, не дожидаясь приглашения. От него пахло табаком и дорожной водой. — Вы вызывали.

Я молча повела его в кабинет. Пока он осматривал разбитый замок сейфа и документы, которые я выложила на стол, он не задавал лишних вопросов. Только листал распечатки из ЕГРЮЛ, которые принес с собой.

— Учредителем фирмы «Гранд-Инвест», через которую проходили платежи, — тихо произнес Дмитрий, водя пальцем по строчкам, — является Сергей Волков. Ваш главный конкурент в отельном бизнесе. И партнер Артура по нескольким сделкам пять лет назад.

Я попросила Дмитрия повторить фамилию. Волков. С ним Артур вёл переговоры о доле — и ему же уходили деньги за квартиру. Я подтянула к себе распечатку, не давая детективу убрать её под другие листы.

— Проверьте связь между этой фирмой и последними переговорами Артура по продаже доли в сети отелей, — попросила я, всё ещё держась за распечатку. — Мне нужно знать, кто платил Веронике и когда началась эта игра.

Телефон завибрировал в кармане халата. Экран светился именем «Галина Петровна». Свекровь. Она звонила редко, обычно только по большим праздникам или когда случалось несчастье. Сейчас она требовала немедленной встречи.

— Артур в депрессии, — проговорила она в трубку, едва я ответила, хотя я даже не включала динамик. — Он готов подписать развод на любых условиях, лишь бы уйти от тебя. Ты слишком холодна, Марина. Ты сделала из его жизни ад.

Я отошла от Дмитрия, чтобы он не слышал, как она называет меня холодной. И тут же разозлилась на себя: зачем я берегу её от свидетеля? Вчера она произнесла то же самое за столом. Сегодня Артур прислал записку с приказом, а его мать уже знала, что я виновата. Я вернулась к столу и положила телефон рядом с документами.

Я сбросила звонок и проверила, сохранились ли снимки. Дмитрий собирал документы в папку; пришлось удержать один лист за край, чтобы ещё раз посмотреть сумму. Пусть Артур зовёт юристов. Пока я не узнаю, что уходит вместе с моей подписью, он её не получит.

Щёлкнул замок входной двери, затем в гостиной раздались шаги. Артур вернулся домой. Раньше обычного. Ещё до того, как он вошёл в кабинет, почувствовала его парфюм. Двадцать лет знала этот запах. Сегодня захотелось открыть окно, чтобы от него не першило в горле.

Он остановился возле разбитого сейфа. Посмотрел на молоток, потом на стол. Я не успела убрать документы и теперь решила, что не буду. Пусть увидит, сколько я прочла

без него.

— Ты рылась в моих вещах? — спросил он низким голосом, подходя ближе. Он схватил меня за запястье. Пальцы были сильными, жесткими. Боль пронзила руку. — Верни ключи от офиса, Марина. Прекрати эти детские игры. Ты мешаешь делу.

Он держал меня за вчерашний синяк и требовал ключи. Даже сейчас — не спросил, что я нашла. Только чем я ещё могу ему помешать. Я посмотрела на его пальцы, потом ему в лицо. Боль помогла собраться: я уже знала, что он сделает, если потянусь к сумке.

Я резко выдернула руку из его захвата, отступив на шаг. — Ключи останутся здесь, — сказала я спокойно, глядя ему прямо в лицо. — А ты можешь забрать свою ложь.

Он задержался, словно ждал, что я догоню его и продолжу разговор. Я стояла у стола, прикрыв его собой. Документы уже прочла. От него требовались ответы, а не ещё один приказ. Он повернулся и вышел в гостиную, хлопнув дверью так, что задрожали стекла в рамах. Оттуда он кричал кому-то по телефону; голос срывался.

Пока он орал в гостиную, я прикрыла дверь кабинета. Сесть удалось не сразу: пришлось отодвинуть стул, не задев

молоток на полу. Открыла общее облачное хранилище. Этот пароль он хотя бы не поменял; я набрала его с первого раза. Там, в папке «Черновики», лежал файл соглашения о слиянии с компанией Волкова, датированный прошлой неделей.

Открыла документ, прокрутила до конца. У раздела активов при расторжении брака остановилась и вернулась на несколько строк выше. Если вина жены — активы переходят к мужу. Если вина мужа — компания остаётся за Мариной. За мной. Я придвинулась к экрану: условие было здесь, в тексте, а не в обещаниях Артура.

Я вернулась к началу файла: дата, стороны, подпись. Потом снова прокрутила до последнего пункта. Если Артур сам подписал такой пункт, зачем оставил мне доказательства против себя? Неужели рассчитывал, что я в ярости подпишу его бумаги, не открывая этот файл? Цифровые следы и оплата через знакомую мне фирму могли быть приманкой. Читать дальше мешало желание позвать его обратно и ткнуть в последний пункт. Я удержалась. Если начну спорить сейчас, он заберёт и этот документ.

Скачала файл. Прежде чем закрыть, проверила подпись Артура: была. В новых бумагах, которые он требовал от меня, этого условия я не видела. Теперь сравню оба текста, пока он думает, что я занята Вероникой.

Его подпись стояла внизу страницы, под тем самым пунктом. Перепутать её с чужой я бы не смогла. Так же торопливо он подписывал все документы, которые считал формальностью.

Я придвинула к себе клавиатуру. Из гостиной донеслось его раздражённое «ты меня слышишь?». Слышала. Но сейчас важнее было сохранить то, что написано здесь.

Он думал, что я буду плакать. А я начала считать, сколько денег он мне должен за эту игру.

Глава 3

На годовщину сети я пришла в платье. Лямка съезжала, пришлось поправить её у входа в лобби «Гранда». С Артуром договорились: никаких сцен, сначала речи, потом можно обсудить документы. Мне хотелось хотя бы один вечер не оправдываться перед гостями за его отсутствие.

Артур появился у входа и остановился, пропуская фотографа с камерой. Я шагнула к нему, пока нас не окружили гости: ещё можно было договориться, кто откроет вечер.

— Нам нужно согласовать речь, — начала я тихо.

Он оттеснил меня к стене, продолжая смотреть за моё плечо. Я подняла лицо, чтобы он видел, с кем говорит. Артур наклонился и произнёс почти в самое ухо:

— Если ты не подпишешь бумаги до конца недели, я заберу всё через суд. А этот вечер станет твоим последним публичным выступлением. Не смей портить картинку.

Фотографы перекликались у входа, просили гостей поднять бокалы выше. Я искала место, где можно поговорить с Артуром без вспышек. Надеялась, что хотя бы при гостях он не станет давить на меня. Но увидела Веронику. Она шла не одна. За её спиной маячили три фотографа со вспышками.

Вероника остановилась между нами и положила ладонь Артуру на грудь. Я отступила, иначе её локоть упёрся бы мне

в плечо. Камера щёлкнула; Вероника дождалась ещё одной вспышки и только потом повернулась ко мне. Так заботливо поправила ему лацкан, что я едва удержалась от вопроса: долго репетировали?

Глава фонда подошёл ближе. С ним подтянулись двое партнёров; один придержал бокал у груди, другой уже улыбался, будто знал, чем кончится разговор.

— Марина, расскажите о статусе компании, — спросил глава фонда.

Я повернулась к главе фонда, но Артур заговорил поверх моего «за квартал». Так громко, что оглянулись у соседнего столика.

— Брак был фикцией ради налоговых льгот! — Он притянул Веронику за талию, а свободной рукой указал на неё фотографам. — Теперь я наконец-то свободен для настоящей любви. Уйди, Марина. Не мешай новому этапу моей жизни.

Мне показалось, я ослышалась. Налоговые льготы? Десять лет, мой дом, утренние рубашки, его ладонь на поясице — льготы? Я открыла рот и закрыла. Если сейчас заговорю рядом с ним, голос сорвётся. Нужен микрофон. Пусть слышат все, а не только его фотографии. Я сделала шаг к сцене, где стоял микрофон ведущего. Любые вопросы о компании я могла выдержать, но сейчас надо было сказать хотя бы одно: я здесь совладелица, а не приглашённая бывшая жена.

Двое охранников шагнули наперерез. Я попыталась обойти первого; второй подставил плечо.

— Нарушение этикета, — бросил первый.

За их спинами Артур вздохнул, растягивая паузу, чтобы все успели посмотреть на меня:

— Видите? Истеричка. Она не может принять реальность. Её нестабильность опасна для инвесторов. Банки должны пересмотреть кредитные линии.

Мои руки сжались в кулаки. Ногти впились в ладони до боли. Один из партнёров отступил от нашей группы и достал телефон. Глава фонда больше не задавал вопросов. Я смотрела на охранника, перекрывшего проход: за его плечом ведущий держал свободный микрофон. До него было три шага. Артур не дал мне сделать даже первого.

У гардероба я остановилась и втянула воздух через нос. Ещё раз. Шум зала доносился сюда приглушённым, можно было наконец разжать кулаки. Галина Петровна стояла возле стойки; увидев меня, сразу шагнула ближе.

— Отпусти ситуацию, Марина, — прошептала она, поправляя свой платок. — Ты замучила его холодностью и карьеризмом. Артур прав. Если ты не отступишь, мы потеряем всё. Даже остатки уважения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.